

The background of the cover is a digital illustration. It depicts a post-apocalyptic scene where a man and a woman are sitting on a pile of rubble in the foreground, looking out over a city that has been mostly destroyed. The sky is a deep, vibrant orange, suggesting a sunset or sunrise. A large, pale, circular shape, possibly a moon or a large sun, dominates the upper half of the sky. The city skyline in the distance is silhouetted against the orange sky, with some buildings still standing and others reduced to ruins. The overall mood is somber and contemplative.

МЫ УЖЕ ВСТРЕЧАЛИСЬ ПОСЛЕ КОНЦА СВЕТА

ИИ
Александра Речная

Александра Речная

**Мы уже встречались
после конца света**

«Автор»

2026

Речная А.

Мы уже встречались после конца света / А. Речная — «Автор»,
2026

Что делать, когда мир рушится, а собственной памяти нельзя доверять? Вера просыпается под треск стекла: город плавится от жары, сирены ведут в убежище, где запрещено помнить. Когда на мёртвой частоте звучит голос, называющий её по имени, незнакомец заявляет: они уже встречались после конца света. Чтобы выяснить, что произошло, Вера пройдёт через стеклянную пустыню к затопленному архиву. Но воспоминание — ещё не доказательство, надежда — не гарантия, а доверие не требует слепоты. Ошибку можно признать, не превращая ответственность в самонаказание. Роман для тех, кто любит постапокалиптические тайны и истории о сложном выборе. Здесь будущее строят не с чистого листа, а из уцелевшей памяти, честных договорённостей и права сказать «нет». Что Вера вспомнит — и кем они станут друг для друга теперь? Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

© Речная А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Последний рассвет над городом	6
Убежище, где запрещено помнить	10
Голос на мёртвой частоте	16
Человек, который знал моё имя	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Александра Речная
Мы уже встречались после конца света
Мы уже встречались после конца света
Александра Речная

Последний рассвет над городом

Стекло треснуло над самой кроватью.

Вера проснулась и успела закрыть лицо руками прежде, чем на подушку посыпалась мелкая крошка. Воздух пах горячей пылью. Она провела языком по губам и почувствовала песок.

За окном медленно разгорался рассвет — густой, медный, будто город накрыли листом раскалённой жести. По проспекту внизу не ехала ни одна машина. На перекрёстках мигали пустые сигналы, а на фасаде напротив беззвучно сменялись строки: «КЛИМАТИЧЕСКИЙ КОНТУР СОХРАНЯЕТ СТАБИЛЬНОСТЬ». Потом надпись дёрнулась и погасла.

Сирена ударила так резко, что Вера выронила телефон.

— Внимание. Нарушение герметичности купола. До прекращения защитного режима: двадцать две минуты.

Голос был ровным, почти вежливым. Таким же тоном система сообщала о перекрытии улиц, задержке лифта и скидках в супермаркете. Вера смотрела на телефон. Экран предлагал подтвердить получение сигнала. Она нажала, и тут же всплыло напоминание о записи к стоматологу, которую она переносила уже третий раз.

Двадцать две минуты. Раньше времени казалось бесконечно много. Вера умела жить так, будто любой важный разговор, любой переезд, любое решение можно без последствий отодвинуть на завтра. Завтра будет чище, спокойнее, понятнее. Завтра кто-нибудь ответит за то, что сегодня не работает.

Она вскочила с кровати.

В шкафу стоял открытый чемодан, оставшийся после последней командировки. Вера швырнула в него свитер, бутылку воды, аптечку и старый бумажный план города. План был смешной: маршруты метро, давно закрытые станции, отметки ручкой, сделанные ещё до установки климатического контура. Она хотела взять с собой семейную фотографию в рамке, но стекло на ней уже пошло трещиной. Рамка не помещалась в сумку. Вера на секунду задержала её в руках, потом поставила на полку.

В прихожей кто-то колотил в дверь.

— Тётя Вера!

Миша стоял на площадке в кроссовках не по размеру и с зелёным рюкзаком на одном плече. Ему было десять. В рюкзаке торчала пластмассовая голова динозавра.

— Мама не вернулась, — сказал он. — Она написала, что я должен идти к пункту эвакуации. Там её найдут.

Вера присела, чтобы застегнуть ему рюкзак. Руки слушались плохо.

— Ты взял воду?

Миша молча показал почти пустую бутылку.

— Тогда возьми мою. Где твоя мама?

— На работе. В диспетчерской. Она сказала, что всё рассчитано.

Он произнёс это так, будто повторял пароль, который должен открыть нужную дверь.

Вера надела на него запасную лёгкую куртку. Свою куртку оставила на крючке: в ней было слишком жарко, а бежать предстояло быстро.

— Идём вместе. Но я не буду обещать, что всё будет хорошо, — сказала она. — Я буду говорить, что делать дальше.

Миша кивнул. Вера не знала, успокоила ли его.

Лифт стоял между этажами. На экране панели светилось: «Ожидание автоматической диагностики». Кто-то из соседей уже нажал кнопку вызова десятки раз. Вера отвела Мишу к лестнице.

На седьмом этаже их остановил господин Левин из квартиры напротив. Он держал переносной кислородный аппарат и пытался застегнуть на нём ремень.

— Внизу проход завален, — сказал он. — Система направляет всех к восточному выходу, но там закрылись двери.

— Идите по служебной лестнице, — ответила Вера. — Она выходит к станции. Там есть укрытие.

— Вы уверены?

Она едва не сказала «да». Вместо этого показала на бумажный план.

— Нет. Но лестница ещё открыта.

Вера оставила ему половину своей воды. Это замедлило их на несколько секунд, но он уже не пытался тащить аппарат одной рукой. Миша смотрел на неё вопросительно.

— Мы можем помочь только тем, кто рядом, — сказала она. — Сейчас рядом он.

На улице ветер оказался непривычно тёплым. Он катил по асфальту сухие листья и полосы пыли. Вера прикрыла рот рукавом. Дальний край купола дрожал, как отражение в воде. Между высотками проступали бледные вспышки — защитный контур пытался удержать давление.

У подъезда собралась небольшая толпа. Люди смотрели на городские табло. Одно сообщало, что эвакуационный маршрут «перестраивается». Другое уверяло, что отклонение локализовано. Кто-то громко требовал вызвать аварийную службу.

— Она уже вызвана, — сказал мужчина в деловом костюме. — Система всё видит.

Вера узнала его. В прошлом году он председательствовал на собрании жильцов и предлагал отключить ручные панели в подъезде: «Нам не нужно дублировать умную инфраструктуру». Тогда Вера проголосовала за. Ей хотелось поскорее закончить собрание.

Теперь его телефон показывал тот же экран, что у остальных: «Специалисты уведомлены. Ожидайте».

Никто не ожидал долго. Люди двинулись к переходу, и толпа сразу загустела. Над головами вспыхнула стрелка: «ЭВАКУАЦИОННЫЙ ЦЕНТР — ВОСТОК». Вера повела Мишу к боковому проходу, помня, что на бумажной карте есть короткая лестница к верхней платформе. Она не была уверена, что та ещё существует.

На проспекте бездействовали светофоры, но машины сами остановились поперёк дороги — транспортная сеть заблокировала движение, чтобы освободить путь эвакуационным капсулам. Из-за этого люди не могли пройти к платформе. Над дорогой зависла беспилотная маршрутка. В её окне по кругу шёл рекламный ролик: семья на пикнике под ясным небом.

— Мама говорила, купол рассчитан ещё на пять лет, — сказал Миша.

— Может быть, она верила цифре.

— А ты?

Вера посмотрела на рябящий воздух над крышами. Когда на прошлой неделе предупреждение о пылевом фронте пришло на её телефон, она закрыла уведомление и продолжила смотреть сериал. Система поставила риск в жёлтую зону. Потом в зелёную. Потом снова в жёлтую. Она решила, что кто-нибудь разберётся, если станет по-настоящему опасно.

— Я тоже верила, — сказала она. — Хотя мне не следовало.

У входа в переход толпа рванула вперёд. Миша держал её за рукав, а Вера — его за запястье. На ступенях кто-то упал. Люди качнулись, как одна тяжёлая масса. Вера втянула Мишу в боковой коридор, но чужой рюкзак ударил её по плечу. Рука выскользнула из его ладони.

— Миша!

Зелёный рюкзак мелькнул впереди, затем исчез за спинами.

Вера протолкнулась к лестнице. Там была только чья-то шапка и разбитый экран указателя. С другого конца коридора кричали, что открыли проход на крышу. Толпа снова пришла

в движение, и Веру вынесло к служебным ступеням. Она звала Мишу, но сирены заглушали её голос.

— Миша! Динозавр! Эй!

Ответа не было.

На крышу она поднялась одна.

Эвакуационная площадка занимала верхний уровень старого торгового центра. Капсулы уходили отсюда за пределы контура, к укрепленной станции в соседнем районе. Две уже исчезли в медной дымке. Третья стояла у края площадки, открытая. Над входом горел красный индикатор.

— Последнее место, — сказал оператор в прозрачной кабине. Он был очень молод и говорил, не отрывая глаз от панели. — Через минуту капсула уходит.

— Вы видели мальчика? Десять лет, зелёный рюкзак, динозавр на молнии.

Оператор посмотрел на неё впервые.

— Люди проходят с восточной стороны. Если он здесь, его зарегистрируют при посадке.

— А если нет?

— Я не могу проверить весь поток.

Он не был жестоким. Просто не знал ответа, и его короткий взгляд скользнул обратно к табло, где цифры неуклонно уменьшались.

Вера увидела свободное место внутри капсулы. За ним — чистый свет, ровный пол, белые ремни. Если она сядет, дверь закроется, и через несколько минут вокруг будет другой воздух. Возможно, она доберётся до станции, найдёт там Мишу и его маму. Возможно, нет. На панели высветилось: «Посадка завершится через 40 секунд».

Она могла сделать ещё один выбор, привычный и понятный: спасти себя, потому что так велел маршрут. Потому что система отвела место. Потому что поиск мальчика — не её обязанность. Вера даже приготовила удобную фразу: он знает, куда идти; взрослые найдут его; позже она всё объяснит.

Миша не знал, куда идти. Он знал только, что она рядом.

— Закрытие через тридцать секунд, — сообщил оператор.

Вера шагнула к капсуле. Её нога уже стояла на пороге.

Ветер ударил в спину. Купол над городом вспыхнул и на мгновение стал почти прозрачным. За ним клубились пыль и облака, но всё это казалось далёким, пока под ногами горела стрелка посадки. Вера вдруг ясно поняла: уверенности не будет. Ни сейчас, ни потом. Ей придётся решить, не зная, что произойдёт дальше.

Она убрала ногу с порога.

— Я возвращаюсь за мальчиком.

— Возвратный маршрут закроется, — сказал оператор.

— Знаю.

Она не знала. Но теперь не стала ждать, пока кто-то подтвердит правильность её решения.

У боковой стены висел аварийный шкаф с инструментами. Вера выдернула оттуда баллончик с оранжевой разметочной краской. На бетонной стене, рядом с лестницей вниз, она нарисовала широкую стрелку и написала крупно: «ВЕРА. МИША, Я ВНИЗУ. УБЕЖИЩЕ 4». Буквы вышли кривыми. Краска брызнула на рукав.

Потом она повернула к лестнице.

Капсула закрылась за её спиной. Двигатели загудели, и через прозрачную стену крыши Вера увидела, как она отделяется от площадки. Белая точка скользнула в медный воздух и исчезла.

Вера спускалась быстро, держась за перила. На каждом этаже она заглядывала в коридоры, звала Мишу, прислушивалась к плачу и коротким крикам. На третьем этаже услышала

детский голос, но это оказалась девочка с разбитым коленом. Вера посадила её у стены, дала оставшуюся половину воды и показала отцу путь к служебной лестнице.

На втором этаже, в коридоре с выбитыми окнами, она нашла зелёную нитку, зацепившуюся за торчащий гвоздь. Такой же цвет был на рюкзаке Миши. Вера сжала нитку в пальцах и позвала снова.

Тишина.

Ещё ниже воздух стал гуще. Пыль забивала горло. Система на стене повторяла: «Сохраняйте спокойствие. Маршрут будет обновлён». Вера выключила звук. Она больше не хотела слушать голос, который обещал решения, но не мог найти одного ребёнка.

На нижнем уровне лестница разделялась. Слева — выход к улице, справа — двери убежища. На бетонной стене уже были свежие следы ладоней и надписи, оставленные торопливыми людьми. Вера снова достала баллончик. Стрелка с крыши была далеко, и Миша мог не увидеть её. Она нарисовала вторую стрелку, ниже, и написала своё имя ещё раз.

— Я здесь, — сказала она в пустой коридор. — Если услышишь, иди на стрелки.

Она подождала несколько секунд. Не потому, что надеялась услышать ответ, а потому, что не могла сразу заставить себя уйти.

Потом пошла к убежищу.

Тяжёлые двери открывались вручную. За ними спускался бетонный коридор, освещённый редкими аварийными лампами. У входа стояла женщина в серой форме и раздавала каждому номерные браслеты.

— Документы, личные архивы и памятные предметы сдайте в контейнер, — сказала она. — В убежище действует протокол психологической стабилизации. Не обсуждать потери. Не распространять слухи. Не называть тех, кто не зарегистрирован.

Вера посмотрела на браслет в её руке.

— А если я хочу оставить имя?

Женщина устало подняла глаза.

— Тогда запишите его до входа. Внутри имена осложняют адаптацию.

Вера не стала спорить. Она взяла браслет, но не застегнула. За спиной уже закрывались внешние двери. На площадке ожидали люди, мокрые от пота и покрытые пылью. Кто-то плакал беззвучно. Кто-то снова и снова проверял телефон, хотя связи не было.

Вера обернулась к узкой смотровой щели в двери. Город ещё светился. Окна горели целыми рядами, рекламные панели вспыхивали и гасли, а светофоры послушно меняли сигналы на пустых улицах. Над крышами медный рассвет терял цвет. Купол едва заметно мерцал, продолжая выполнять программу, для которой уже почти не осталось людей.

Город не погас. Он просто перестал принадлежать тем, кто в нём жил.

Вера спустилась на последнюю ступень. Она не знала, увидит ли ещё Мишу, не знала, откроют ли двери завтра и каким будет воздух за ними. Но знала, что миру не обязательно рухнуть целиком, чтобы прежняя жизнь закончилась. Иногда достаточно перестать ждать, что кто-нибудь другой сделает следующий шаг.

За дверью женщина в серой форме уже говорила о тишине, дисциплине и необходимости забыть всё лишнее. Вера сжала в ладони незастёгнутый браслет и подумала об оранжевой стрелке на стене.

Убежище, где запрещено помнить

— Тишина, дисциплина, никаких разговоров о прежней жизни, — сказала женщина в серой форме, не повышая голоса. — Это не наказание. Это способ сохранить вас.

Вера поднялась по последней ступени и переступила порог.

Дверь закрылась за её спиной с коротким шипением. Звук был похож на вздох человека, который решил больше не спорить.

Внутри пахло влажной тканью, хлоркой и чем-то сладковатым, больничным. Коридор уходил вглубь убежища, прямой и узкий. На стенах шли две полосы: синяя — к жилым секторам, белая — к медицинскому блоку. Над каждой дверью висела табличка с номером. Ни одной фамилии. Ни одной подписи от руки.

Женщина указала на металлический стол.

— Браслет.

Вера посмотрела на незастёгнутый браслет в ладони. Она всё ещё сжимала его так крепко, что края отпечатались на коже.

— Он не мой.

— Тогда тем более. Всё личное сдать на хранение. Вернут после адаптации.

— А если он нужен кому-то?

Женщина задержала на ней ровный взгляд.

— Здесь никому не нужно прошлое.

За её плечом стояли трое людей. Мужчина с мокрыми рукавами, девочка лет двенадцати и старуха в тонкой шапке. Все молчали. На запястье каждого был застёгнут одинаковый серый браслет с номером.

Вера разжала пальцы, но не выпустила браслет.

— Я спрошу ещё раз, — сказала женщина. — Браслет.

Вера положила его на стол. Не потому, что согласилась. Потому что сейчас не могла придумать поступка, который изменил бы исход. Женщина накрыла браслет прозрачной крышкой и нажала кнопку. За стеклом загорелся красный огонёк.

— Старшая смены Крылова, — представилась она. — Вы будете числиться как жительница сектора С-4. На вопросы отвечайте кратко. Если почувствуете приступ тревоги, поднимите руку. Не пытайтесь самостоятельно возвращаться к травматичным событиям.

— А если событие всё ещё происходит?

Крылова посмотрела на неё так, будто отметила ответ в невидимой ведомости.

— Сейчас вы в безопасности.

Вера не стала спрашивать, кто именно решил, что это одно и то же.

На стене за столом висело расписание. Подъём — 06:00. Гигиена — 06:10. Питание — 06:30. Медицинский осмотр — 07:00. Адаптационная беседа — 08:00. Сон — 21:00. Внизу шёл перечень правил: не покидать назначенный сектор; не обсуждать события до прибытия в убежище; не расспрашивать о пропавших; не хранить предметы, связанные с прежней жизнью.

Последняя строка была подчёркнута красным:

ПАМЯТЬ МОЖЕТ УСИЛИВАТЬ ПАНИКУ.

Вера прочла её дважды. Во второй раз буквы словно стали крупнее.

На её руке застегнули номерной браслет. Пластик был холодный и тугой. Потом дали серую одежду и повели по коридору. На каждом повороте звенел сигнал: два коротких тона, пауза, один длинный. Люди двигались после него, будто звук натягивал их, как нить.

В жилом секторе стояли койки, разделённые тонкими перегородками. На каждой лежало сложенное одеяло и полотенце. Вера получила койку номер восемнадцать. На соседней сидела женщина с короткими белыми волосами и пришивала к рукаву тканевую заплатку.

— Вы давно здесь? — спросила Вера.

Женщина перестала шить.

— Здесь мы все.

— Я имею в виду, когда вас привезли?

— Не помню.

Она сказала это спокойно, без смущения. Потом снова взялась за иглу и уколола палец. На подушечке выступила маленькая капля крови. Женщина втянула воздух и быстро оглянулась на дверь, словно застали за чем-то постыдным.

— Ничего страшного, — сказала Вера.

— Я не расстроилась.

Женщина прижала палец к ткани. Капля расплзлась по серой заплатке.

Сверху ударил сигнал. Два коротких тона, пауза, длинный. Люди поднялись почти одновременно.

В столовой им выдали миски с жидкой кашей и стаканы тёплой воды. За длинным столом мужчина в сером свитере повторял:

— Мы здесь, значит, успели. Мы здесь, значит, успели.

Он произносил это не громко, не обращаясь ни к кому. Через несколько минут сидевшая напротив девочка начала повторять вместе с ним.

— Мы здесь, значит, успели.

Вера посмотрела на них.

— Успели куда?

Девочка замолчала. Мужчина поднял глаза.

— Не задавайте вопросов, которые не помогают, — сказал он. — Это правило.

— Чьё?

Он не ответил. Девочка торопливо зачерпнула кашу.

За соседним столом женщина спросила у старухи, чем та занималась до убежища.

— Работала.

— Кем?

Старуха задумалась. Её губы шевельнулись беззвучно.

— Мне говорили, что я была учительницей. Но я не помню детей.

Сказав это, она сразу отвела глаза. Вера заметила на её пальце тонкий светлый след от кольца. Старуха тоже посмотрела на него, но спрятала руку под стол.

После завтрака всех собрали в комнате без окон. На стене висел экран с синим кругом. Женщина из медицинского блока говорила мягко, словно читала сказку для детей:

— В кризисе мозг может создавать ложные связи, вызывать образы и чувство вины. Не нужно искать в них смысл. Если воспоминание причиняет боль, это не значит, что вам следует его удерживать. Вы можете отпустить его.

Вера сидела, сложив руки на коленях. Она хотела поверить этой женщине. Боль действительно не была доказательством правоты. Иногда воспоминания искажали случившееся, превращали страх в обвинение, добавляли слова, которых никто не говорил. Вера знала это. Она сама не раз перебирала последние минуты перед тем, как потеряла Мишу, меняла местами его фразы и свои ответы, пока не начинала верить в удобную версию.

Только удобная версия не делала его живым.

Она попыталась вспомнить его лицо. Вместо лица пришёл резкий белый свет, будто кто-то распахнул дверь прямо ей в глаза. Потом — маленькая ладонь, мокрый рукав, её собственный голос, обещающий вернуться. И узкий проход, где в воздухе стояла пыль.

Сердце ударило в рёбра. Вера сжала пальцы. Ей захотелось встать и бежать, хотя бежать было некуда.

— Поднимите руку, если вам нехорошо, — сказала сотрудница.

Вера не подняла.

Она не хотела, чтобы её заставили рассказать. Но и не хотела называть приступ тревоги доказательством того, что память надо запереть. Между этими двумя желаниями было тесное место, как щель между створками двери.

Когда занятие закончилось, Крылова ждала её в коридоре.

— Вам нужно поспать. После сна станет легче.

— Вы говорили, память усиливает панику.

— Иногда усиливает.

— Значит, иногда её можно выдержать?

Крылова поправила манжету.

— Здесь не требуется ничего выдерживать. Здесь требуется соблюдать порядок.

Вера подумала о городе за куполом, о пустых улицах и светофорах, которые продолжали менять цвета для тех, кого уже не было. Там порядок тоже работал без людей. Она впервые ясно поняла, что покой и безопасность могут звучать одинаково, если их произносить достаточно уверенно.

В жилом секторе она попросила воды. У стойки выдачи стоял мужчина лет пятидесяти, худой, с глубокой складкой между бровями. На груди у него был номер тридцать один.

— Вы помните, откуда приехали? — спросила Вера.

— Нам не следует это обсуждать.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который у меня есть.

Он выдал ей стакан, не глядя в глаза.

— А до катастрофы кем работали?

Мужчина нахмурился.

— Не знаю.

— Но вы умеете раздавать воду так, чтобы очередь не сдвинулась?

— Это просто навик.

Он произнёс это с раздражением, но пальцы его уже привычно выравняли стаканы по краю подноса.

Вера не стала настаивать. Ей вдруг стало стыдно за свой вопрос. Не за интерес — за то, что он звучал как попытка отнять у человека последнее укрытие. Она хотела узнать, но не имела права требовать.

В тот же день она нашла обрывок плотной упаковочной бумаги под койкой. На обратной стороне едва проступали строки с номером партии и датой. Вера спрятала бумагу в рукав. Рядом с ней легла старая ручка, которую она нашла в ящике с чистым бельём.

Ночью, когда дыхание соседей стало ровным, она села на койке и открыла бумагу на коленях.

Сначала написала:

Миша.

Рука остановилась. Память подняла страх так быстро, что бумага дрогнула. Вера закрыла глаза. Она увидела не всё. Только ладонь, мокрый рукав и оранжевую стрелку на стене. Не знала, вёл ли проход туда, куда ей казалось. Не знала, слышал ли Миша её обещание. Не знала, вернулась бы она, если бы задержалась ещё на минуту.

Она чуть не зачеркнула имя. Вместо этого провела под ним черту и добавила:

Что помню: обещала вернуться. Оранжевая стрелка у прохода.

Потом заставила себя написать ещё три строчки:

Подтверждено: пока только мной.

Неизвестно: где был Миша после того, как мы разошлись.

Чувство: страх и вина. Память не полная.

Получилось не утешительно. Получилось честно.

На следующий день она искала не подтверждение собственной правоты, а людей, которые могли знать хоть что-то отдельно от неё. Женщина с белыми волосами признала, что помнит оранжевую стрелку, но не уверена, была ли это та же стена. Мужчина с водой сказал, что у прохода имелся второй выход, но не видел там детей. Он помнил это по серой двери с треснутой ручкой. Девочка из столовой слышала, как кто-то звал Мишу, однако не знала, кто именно и когда.

Вера записала каждое свидетельство отдельно. Под ним — имя или номер того, кто сказал. Затем — что осталось неизвестным. А внизу — собственное чувство. Иногда это была злость. Иногда стыд. Один раз она записала: «Хочется, чтобы этот человек подтвердил мою версию, но он не подтвердил».

Такой порядок не делал прошлое безопасным. Зато не позволял страху притворяться фактом.

Она стала замечать, что люди отвечают одинаковыми словами. «Мы здесь, значит, успели». «Всё необходимое есть в расписании». «Не нужно возвращаться туда, где уже ничего нельзя изменить». Фразы переходили от одного к другому, не меняясь даже в мелочах. Когда у койки номер двенадцать осталась пустота, соседка сказала, что жильца перевели. Никто не знал куда. На вопрос Веры мужчина с водяной стойки произнёс: «Перевод — не потеря. Это смена сектора». Он повторил фразу дважды, словно хотел убедить себя.

Вера записала: **Койка 12 пуста. Причина неизвестна. Соседка сказала: «перевели», подтверждения нет. Чувство: тревога.**

На третий день расписание изменилось. После завтрака жителей повели в медицинский блок по трое. Вера оказалась рядом с женщиной с белыми волосами. На запястье той выступали красные следы от браслета.

В коридоре мужчина с водяной стойки остановил Веру и сунул ей в ладонь маленькую карточку.

— Нашёл в служебном архиве, — сказал он едва слышно. — Наверное, оставили при пересмотре протокола.

На карточке проступали выцветшие строки. Бумага пахла пылью и медикаментами.

Программа стабилизации. Экстренный приём. Седативная смесь С-17. Применение при массовом возбуждении. Временная мера до восстановления внешнего управления.

Ниже стояла дата, почти стёртая, и штамп: **ПРОДЛЕНО. БЕЗ СРОКА ОКОНЧАНИЯ.**

— Откуда вы знаете, что это настоящее? — спросила Вера.

— Не знаю, — ответил мужчина. — Но такие карточки выдавали в медицинском пункте. Я их видел. Тогда люди били в двери, кричали, не давали провести раненых. Им давали таблетки. Некоторым — не по одной.

— Вы там работали?

Он посмотрел на свои пальцы, гладкие и быстрые.

— Я ставил капельницы. Кажется.

— Это подтверждено кем-нибудь ещё?

— Врачом, которая была на смене. Её зовут Лада. Она в медблоке.

Вера не стала спрашивать, зачем он передал карточку. Вместо этого спрятала её под одежду и позже нашла Ладу в коридоре возле шкафа с перевязочными материалами. Врач была моложе, чем Вера ожидала, с усталым лицом и короткими ногтями.

— Вы подтвердите, что препарат С-17 давали людям после катастрофы?

Лада посмотрела на неё.

— В первые сутки — да. Толпа не давала открыть шлюз для пострадавших. Люди были истощены, многие не спали несколько дней. Седативные применяли по протоколу. Потом выяснилось, что часть людей плохо помнит события.

— Это было побочным действием?

— Да. У некоторых — спутанность, провалы, тяжёлые реакции. Тогда считали, что главное — пережить первые дни.

— А потом?

Лада помолчала.

— Потом временный порядок стал постоянным. Сначала запрещали обсуждать подробности, чтобы не запускать повторную панику. Потом запретили задавать вопросы. Это тоже объясняли заботой.

Вера услышала в этих словах что-то знакомое. Забота, которая не спрашивает, что человеку нужно. Забота, удобная прежде всего тому, кто её оказывает.

Она вернулась к койке и раскрыла журнал. Записала дату и показала карточку мужчине с водяной стойки и Ладе отдельно. Оба подтвердили, что текст относится к раннему протоколу. Они не знали, кто продлил его и почему. Вера отметила и это.

К вечеру бумагу нашли.

Крылова вошла в жилой сектор без сигнала. За ней шёл охранник, которого Вера прежде не видела. Старшая смены остановилась у койки восемнадцать.

— Это ваше?

В руке у неё был лист, сложенный пополам. Список имён, мест и вопросов лежал на ладони открытым.

Вера почувствовала, как горят уши. Она могла сказать, что не знает, откуда взялась бумага. Могла попросить вернуть. Могла объяснить, что никто не пострадал. Каждая фраза уже выстраивалась во рту — короткая, безопасная, почти привычная.

Она посмотрела на женщину с белыми волосами. Та сидела неподвижно, вцепившись в край одеяла. На соседней койке девочка замерла с чашкой в руках.

— Да, — сказала Вера. — Мой.

— Вы нарушили правило.

— Я записала то, что люди подтвердили. И отдельно — то, чего никто не знает.

— Вы собираете сведения о других жителях.

— Я спрашиваю разрешения. И не записываю того, в чём человек не уверен.

Крылова развернула лист. На лице у неё не было злости. Только усталость и настороженность.

— Вы понимаете, что такие записи могут вызвать панику?

— Могут. Воспоминания иногда пугают. Я не считаю, что всем нужно вспоминать всё сразу.

— Тогда зачем это?

— Чтобы неизвестное не называли известным. Чтобы пропавшего человека не превращали в пустую койку. Чтобы чужие слова не становились моей памятью, а моя память — чужим приказом.

В комнате стало очень тихо. Сигнал из коридора прозвучал дважды, но никто не двинулся.

Крылова сложила лист.

— Если вы продолжите, вас отправят на обязательную оценку состояния. Временно ограничат доступ к общим помещениям. Возможно, назначат лечение.

Вера почувствовала знакомый рывок страха. Ей захотелось забрать лист, сказать, что больше не будет. Хотелось сделать всё, чтобы Крылова ушла и соседям не досталось из-за неё.

Но под этим желанием лежало другое: не быть причиной чужого наказания. Оно было похоже на доброту, пока Вера не замечала, что для его исполнения ей предлагали исчезнуть самой.

— Я не буду заставлять людей говорить, — сказала она. — Но не стану утверждать, будто ничего не произошло, если не знаю этого.

Крылова смотрела на неё долго. Затем положила лист на койку.

— Думайте о последствиях.

— Думаю.

Старшая смены развернулась к двери. Охранник вышел за ней. На пороге Крылова оставилась.

— Иногда забыть — значит пережить.

— Иногда, — ответила Вера. — Но это не значит, что забыть должны все.

После её ухода женщина с белыми волосами поднялась и подошла к Вере.

— Меня зовут Нина, — сказала она. — По крайней мере, так меня звали до того, как это стало неважно.

Вера не торопилась записывать.

— Хотите, чтобы я внесла это в журнал?

Нина кивнула.

— Да. И запиши, что я помню школу. Не уверена, что была учительницей. Только помню, как пахли мокрые варежки в раздевалке.

Вера открыла лист на новой строке. Записала имя, затем её слова и отметила: «Профессия неизвестна. Запах мокрых варежек — личное воспоминание, не подтверждено другими. Чувство: облегчение».

Из дальнего коридора донёсся короткий треск. Не сигнал. Неровный электрический звук, будто включился старый динамик. Потом наступила тишина.

Мужчина с водяной стойки стоял у двери в жилой сектор. В руке он держал маленький обломок пластика с выцветшим номером.

— Вера, — сказал он. — Если завтра дадут пройти к старому приёмнику, я покажу вам кое-что.

— Что именно?

Он взглянул на потолочный громкоговоритель.

— Частоту, которую в расписании велено считать мёртвой.

Затем помолчал и добавил:

— Запиши моё настоящее имя. Аркадий. Не номер. Пожалуйста.

Вера внесла имя в журнал и рядом оставила пустое место для подтверждения.

— Хорошо, Аркадий. А что ты слышал?

За стеной снова щёлкнул динамик. На этот раз в помехах различился слабый человеческий голос. Слова были неразборчивы, но голос не принадлежал расписанию.

Вера не стала записывать то, чего ещё не могла подтвердить.

Пока она поставила на полях только дату, источник звука и одну короткую строку: **Неизвестно, кто передал сообщение. Услышали двое. Чувство: страх и надежда.** Аркадий кивнул. Он тоже различил не слова, а человеческую интонацию — отчаянно простую, почти домашнюю. Этого было недостаточно, чтобы назвать услышанное сообщением, и слишком много, чтобы объявить помехой. Вера закрыла журнал, оставив пустое место рядом с его именем: не для ответа, которого у них пока не было, а для того, что могло прозвучать снова.

В убежище запрещали помнить, но запрет не мог отменить свидетельство: двое услышали голос, и теперь он существовал хотя бы в этой записи. За стеной потрескивала мёртвая частота. Никто не попросил выключить динамик.

Голос на мёртвой частоте

Вера подняла решётку вентиляционного короба и посветила внутрь. На сетке блестели капли конденсата. Воздух пах железом, мокрой пылью и чем-то сладковатым — так пахли фильтры, которые давно следовало заменить.

Из комнаты связи за её спиной донёсся треск.

Вера замерла с отвёрткой в руке.

Радио они оставили включённым после вчерашнего сигнала. Никто не решился признать это вслух, но и выключать не стал. Теперь динамик щёлкнул, словно кто-то постучал изнутри по жестяной стенке.

— Аркадий? — позвала Вера.

— Здесь.

Он сидел у двери, укутанный в куртку, и в полумраке казался частью стены. До тех пор, пока не повернул голову. Тогда свет от налобного фонаря выхватил его усталые глаза.

Радио прошипело. Потом в шипении возник голос:

— Северный шлюз. Найдите северный шлюз. Четыре... двенадцать... семь...

Голос провалился в помехи и вернулся, более тихий, но отчетливый:

— Тридцать первое сентября.

Вера опустила отвёртку. За эти две недели она привыкла сначала записывать услышанное, а уже потом решать, что оно значит. Особенно если смысл пугал.

Она выдернула из кармана карандаш и раскрыла журнал.

— Повтори, — сказал Аркадий.

— Я не могу заставить его повторить.

— Я про запись.

Она написала: «Северный шлюз. 4–12–7. 31 сентября». Ниже добавила: «Услышали двое». На этот раз голос был различимым, но это ещё не делало его правдивым. Ни человек за стеной, ни аварийная запись, ни неисправный прибор не получали права называться спасением только потому, что произнесли нужные слова.

Из дежурного коридора послышались шаги.

Начальник смены Савельев вошёл, застёгивая воротник. За ним теснились жильцы: женщина с ребёнком на руках, старик в шерстяной шапке, двое подростков, всё ещё не успевших лечь. Их лица были бледными от бессонницы и синеватого света аварийных ламп.

— Выключите радио, — сказала женщина. — Немедленно.

— Там человек, — возразил один из подростков.

— Там помехи, — отрезал Савельев. — Не превращайте неисправность в происшествие.

Он произнёс это тем уверенным тоном, которым обычно объявляли о закрытии столовой или переносе дежурства. Тон был ровный, и потому несколько человек сразу кивнули. Не потому, что проверили сигнал. Просто уверенность предлагала удобную дверь из страха.

— Мы слышали слова, — сказала Вера.

— Вы слышали обрывки звука. Радио старое, проводка старая. Оно ловит всё, что дрожит в стенах.

— Тогда почему оно повторило их дважды?

— Потому что помехи повторяются.

Савельев протянул руку к выключателю.

Женщина с ребёнком прижала ладонь к уху сына, будто голос мог проникнуть через кожу. Аркадий поднялся, но не загородил радио. Вера заметила, как он посмотрел на её журнал.

Она не хотела защищать голос. Она хотела защитить разницу между тем, что они знали, и тем, что каждый из них боялся узнать.

— Я отмечу время и отключу, — сказала она.

— Не нужно отмечать время. Мы уже знаем, что это помеха.

— Тогда запись подтвердит вашу версию.

На миг Савельев задержал руку. Это была маленькая задержка, почти незаметная, но Вера успела увидеть, как его уверенность столкнулась с простым предложением проверить себя.

— Одна минута, — сказал он.

Радио щёлкнуло снова. Голос не повторил слова, только протянул низкий звук, словно кто-то издалека тянул через металл длинную ноту. Потом динамик умолк.

Савельев выключил аппарат.

Жилыцы начали расходиться. Старик продолжал оглядываться на динамик, даже когда тот погас. Подросток прошептал что-то товарищу и получил от женщины сердитый взгляд. Страх не исчез. Он лишь сменил форму: из ожидания голоса превратился в ожидание того, что голос означал.

Когда коридор опустел, Вера закрыла журнал не до конца. На развороте остались незаполненные строки.

— Что ты думаешь? — спросил Аркадий.

— Пока не знаю.

— Хороший ответ.

— Неприятный.

— Эти два ответа часто ходят вместе.

Вера вернулась к вентиляционному коробу, но теперь уже не могла сосредоточиться на фильтре. В голове стучали четыре слова: северный шлюз, четыре, двенадцать, семь. И дата, которой не было. Она могла означать ошибку, код, чью-то шутку. Или то, что кто-то хотел, чтобы они отправились к шлюзу, не задавая лишних вопросов.

На полях журнала Вера провела три вертикальные линии. В заголовках написала: «Наблюдение», «Возможное объяснение», «Способ проверки».

Потом заполнила первые строки:

Наблюдение

Возможное объяснение

Способ проверки

Голос назвал северный шлюз

Просьба о помощи или приманка

Сверить координаты с планом, не открывая шлюз

Повторились числа 4–12–7

Координаты, код, случайный фрагмент

Найти старую схему служебных участков

Названа дата «31 сентября»

Ошибка, код или запись с неверной меткой

Сравнить повторы и проверить журналы прибора

Голос возник на радиоканале

Передача извне или сигнал внутри убежища

Проверить направление сигнала и отметки приёмника

Она перечитала строки. Таблица не отвечала на вопрос, кто говорил. Зато мешала одному объяснению захватить всё место в голове.

«Если это помощь — нельзя упустить», — сказала себе Вера. «Если это ловушка — нельзя идти на звук. Если это неисправность — нужно понять, почему она произносит даты».

У каждой версии был свой соблазн. Надежда торопила к шлюзу. Страх требовал залотить дверь. Усталость предлагала выключить радио и больше не думать. Ни одна из них не была доказательством.

До конца смены оставалось три часа. Вера дождалась, пока Савельев уйдёт проверять насосную, и спустилась в мастерскую.

Механик Тимур чинил переносной фонарь. Его рабочий стол был покрыт винтами, обрывками изоляции и кружками, в которых остывал чай. У стены стоял шкаф с инструментами; на его дверце висел список того, что нельзя брать без отметки начальника смены.

Тимур проследил за взглядом Веры.

— Если ты пришла за прибором, которого нет в списке, значит, его нет.

— А если он есть в списке, но отметка не нужна?

— Тогда я сплю и ничего не слышу.

Вера положила перед ним журнал, раскрытый на таблице.

Он прочитал запись про северный шлюз, нахмурился и постучал пальцем по числам.

— Четыре, двенадцать, семь. Может быть, секция, ветка, коробка. На старых схемах так маркировали линии.

— Ты можешь проверить?

Тимур посмотрел на дверь мастерской.

— Савельев запретил трогать радио.

— Я не прошу его включать. Только проверить, откуда сигнал шёл. Если он вернётся.

— Это всё равно будет трогать радио.

— Да.

— Тогда зачем спрашиваешь так, будто есть ответ, который мне понравится?

— Чтобы ты мог отказаться.

Он снова посмотрел на журнал. Вера не стала убеждать его, что сигнал настоящий. Этого она не знала. Не стала обещать, что проверка будет безопасной. Этого тоже не знала.

— Ничего не открываем, — сказал Тимур наконец. — Никаких шлюзов. Никаких коридоров, которых нет на действующей схеме.

— Согласна.

— И если прибор покажет, что источник за внешней стеной, мы возвращаемся и докладываем Савельеву.

— Согласна.

— Ты быстро соглашаешься.

— Я хочу проверить, а не победить в споре.

Тимур взял с полки небольшую коробку с круглой шкалой и двумя короткими проводами. На крышке выцвело слово «искатель». Он объяснил, что прибор реагирует на ток в кабеле: стрелка подсказывает, где провод проходит ближе всего. Вера поняла остальное без объяснений. Прибор не определит, кто включил узел. Но, возможно, покажет, где искать.

Они вернулись в комнату связи боковым коридором. Динамик молчал. Тимур отключил питание, снял заднюю панель и проверил контакты. Вера держала фонарь и следила за его руками. На внутренней стороне корпуса была приклеена узкая полоска бумаги с выцветшими надписями.

— Видишь? — сказал он. — Настройка на 6,42.

Чуть ниже сохранилась другая строчка: «Северная ветка. Ретранслятор Н-4. Автономный режим». Последние слова были подчеркнуты карандашом.

— Это частота старой сети? — спросила Вера.

— Служебная. Её использовали, чтобы передавать сообщения между узлами. Не для связи с внешним миром.

— Значит, голос идёт из убежища?

— Значит, радио настроено на канал старой сети. Пока это всё, что значит эта надпись.

Тимур подключил искатель. Когда они провели им возле кабеля, уходящего к наружной антенне, стрелка чуть дрогнула. У вентиляционного короба она отклонилась сильнее. А у металлического шкафа за стеной поднялась до красной черты.

Вера шагнула ближе.

— Там ничего не должно работать, — сказал Тимур.

— Почему?

— Шкаф соединяли с северной веткой. Её отключили при консервации старого блока.

Слова «не должно» Вера знала слишком хорошо. В убежище их произносили о датчиках, трубах и собственных воспоминаниях. Они означали не невозможность, а отсутствие объяснения, которым кто-то располагал.

Тимур отпер шкаф своим ключом. Внутри, за слоями пыли, обнаружился узкий блок с круглыми индикаторами. На крышке сохранилась маркировка: «Н-4. Резервное питание». Одна лампа слабо светилась.

— Ты говорил, он отключён.

— От основной сети. Это не одно и то же.

На нижней кромке блока была прикреплена тонкая лента с отметками обслуживания. Тимур провёл по ней пальцем. Последняя запись сообщала, что связь с центральной линией прервана, а устройство переведено в автономный режим. Дата в углу стёрлась наполовину.

— Значит, он сам передаёт? — спросила Вера.

— Значит, этот узел жив. Или его аккумулятор ещё не умер.

— А голос может быть старой записью?

— Может.

— Или кто-то включил его недавно?

Тимур не ответил. Он смотрел на мигающий индикатор передачи. Каждые сорок секунд лампа вспыхивала, гасла, затем вспыхивала снова.

Вера записала интервалы. Первый — сорок секунд. Второй — сорок. Третий — тоже. Их короткая проверка не доказывала, что в узле сидит человек. Зато она доказывала, что сообщение приходит не случайным треском. Его повторял какой-то работающий механизм.

— Четыре, двенадцать, семь, — сказал Тимур. Он достал из ящика сложенную схему. — Вот. Старые координаты ветки: участок четыре, уровень двенадцать, коробка семь.

Он провёл пальцем по тонким линиям. Отмеченная коробка находилась в боковом проходе, который вёл к северному шлюзу. Сам шлюз был в нескольких поворотах дальше. На схеме возле коробки стоял значок старого узла.

— Это может быть просто адрес устройства, — сказала Вера.

— Да.

— Или указание идти туда.

— Да.

— Или сообщение включили именно потому, что кто-то хочет, чтобы мы пошли.

— Тоже да.

Вера посмотрела на него. Она ожидала, что Тимур выберет одну версию, хотя бы для того, чтобы перестать бояться. Но он только пожал плечами, словно не собирался подменять неизвестное догадкой.

В журнал она добавила ещё одну строку: «Сигнал сильнее возле узла Н-4; повтор с постоянным интервалом. Источник передачи — локальный ретранслятор. Неизвестно, кто и когда поместил голос в систему».

Теперь таблица не стала спокойнее. Напротив, угроза приблизилась. Снаружи могло быть пусто. Но внутри старой сети кто-то или что-то продолжало передавать голос.

— Нужно сообщить Савельеву, — сказал Тимур.

— Нужно сообщить то, что мы проверили. Не то, чего мы не знаем.

— Он спросит, зачем мы открыли шкаф.

— И мы ответим.

— А если потребует немедленно закрыть всю ветку?

Вера посмотрела на схему. Северный шлюз оставался закрытым. Никакой приказ не заставлял их открывать его сейчас. Они могли доложить о работающем узле и дождаться решения. Могли также потерять ещё одну передачу, если администрация обесточит старую ветку, не сохранив запись.

— Сначала запишем состояние узла, — сказала она. — Потом доложим.

Тимур взглянул на неё с недоверием.

— Это опять твой неприятный ответ?

— Да.

Он подключил маленький переносной приёмник к старой линии. Они сидели в тесной мастерской, не включая верхний свет. На столе между ними лежала схема, рядом Вера держала журнал. Аркадий остался у двери, чтобы предупредить, если появится Савельев.

Первые две минуты из динамика шёл только ровный шорох. Затем лампа на приёмнике загорелась.

Голос прозвучал так близко, что Вера сначала решила: кто-то стоит за её плечом.

— Северный шлюз. Четыре, двенадцать, семь. Тридцать первое сентября.

Они не двигались. Запись, код или живая передача — пока ни одна из версий не уступила. Голос повторил координаты и замолчал. Тимур посмотрел на стрелку искателя. Она дрожала возле кабеля, ведущего в старый узел.

Вера уже поднесла карандаш к бумаге, когда динамик щёлкнул снова.

— Вера.

Карандаш застыл над страницей.

Тимур медленно повернулся к ней. Аркадий за дверью перестал дышать так громко, что Вера слышала его тишину.

Голос произнёс её имя без помех, спокойно, почти буднично.

— Я расскажу тебе, что случилось до убежища.

Вера не ответила. Она записала слова, время и то, что слышали трое. Под записью оставила пустую строку для следующей проверки.

Теперь техническая загадка знала её имя. Это не делало голос другом. Не делало его врагом. Но от этой секунды уже нельзя было отмахнуться как от шума.

Человек, который знал моё имя

Вера дождалась, пока Тимур свернёт карту, а Аркадий снова устроится у двери, и только тогда выключила фонарь.

В комнате стало темно, но не тихо. Где-то за стеной капала вода. Приёмник остывал с редкими щелчками. Вера положила ладонь на блокнот и нащупала под пальцами пустую строку, оставленную для следующей проверки.

В голосе были помехи. Имя прозвучало чисто.

Она записала рядом три версии: запись, живой передатчик, чья-то попытка заставить её выйти. Ни одна не казалась достаточно надёжной, чтобы действовать без оглядки. Ни одна не позволяла просто лечь и уснуть.

На старой схеме координаты указывали на диспетчерский пункт у северной насыпи. Когда-то оттуда распределяли воду и электричество по жилым секторам. Теперь там должны были остаться только бетон, ржавые стойки и слепые окна.

Вера решила идти одна.

Это было не храброе решение. Скорее, такое, которое легче принять, когда остальные спят и не могут задать неудобный вопрос. Она не хотела вести Тимура и Аркадия туда, где их мог ждать человек, умеющий произносить её имя через мёртвую частоту. И не хотела, чтобы их страх или надежда выбрали за неё.

Перед уходом она написала Тимуру короткую записку: «Проверяю северный кабель. Не выходите на частоту до полудня. Если не вернусь, уходите к цистерне». Задержала карандаш над бумагой, затем добавила: «Не ищите меня».

Записка не делала поступок безопасным. Только оставляла другим хоть какой-то выбор.

За плечо Вера перекинула сумку, в которой лежали вода, фонарь, отвёртка и ручной приёмник. У порога она остановилась. Из-за двери слышалось ровное дыхание Аркадия. Вера хотела разбудить его, сказать, куда идёт, и услышать в ответ, что это глупо. Вместо этого она осторожно подняла задвижку.

Снаружи пахло холодной золой.

Она считала шаги, пока не добралась до старого водосброса. Один, два, три. На сорок первом сбилась, вернулась к тридцать седьмому и начала заново. Счёт не указывал путь и не обещал, что она справится. Он просто возвращал её внимание к тому, что происходило прямо сейчас: подошва скользит по пыли, ремень режет плечо, воздух обжигает горло.

Диспетчерский пункт проступил из темноты у самой насыпи. Плоская бетонная коробка, частично ушедшая в землю, с остатками антенн на крыше. На двери висел кусок цепи. Замок давно сорвало, но створку заклинило осевшим перекрытием. Вера пролезла в боковую щель и оказалась в узком коридоре.

Внутри пахло мокрым железом и старой бумагой. На стене ещё висела схема линий связи. От цветных нитей остались тёмные следы клея.

Приёмник у пояса зашипел.

Вера вытащила его и проверила ручку настройки. Частота была та же. Стрелка дрожала.

— Вера, — сказал голос из глубины пункта.

Она вскинула отвёртку, словно та могла остановить человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.